

ВЯЧ. ИВАНОВ

О «Химерах» Андрея Белого

Надо спрашивать, не что представляет собою этот юноша, а как он безумствует.

*А. Белый. «Химеры»
(Весы 1905. VI, стр. 10)*

Как ни смутны философемы Андрея Белого, как ни расплывчаты и зыбки его туманные аллегории, — ясно сверкнула в этом красочном мороке «стрела богохуления», направленная против Диониса. (Говорить о загадочном отношении этого «апокалиптика» к Тому, Кто «Верный и Истинный», Который праведно судит и Воинствует, — как сказано в приводимом им тексте Апокалипсиса, еще не время).

Я искал в ряде работ раскрыть р е л и г и о з н у ю сущность дионисического начала, — показать его непреходящую и действительную силу, как начала р е л и г и о з н о г о : вот что побуждает меня к этой отповеди.

Не в Д и о н и с е безумствует Юноша, герой «Химер», если он подлинно безумствует; и «Θεορeтик дионисиазма» не имеет никакого основания записывать слова его, чтобы обогатить ими свое собрание документов дионисической «практики». Но ведь и сам Θεορeтик, по-видимому, напрасно потратил много лет на изучение религиозного феномена, который остался для него, даже в теории, книгой под семью печатями.

Правда, Θεορeтик научился смотреть на дионисическое состояние, как на некоторое к а к , и противопоставлять его непосредственно данному или искомому ч т о ; но очевидно, что его к а к вовсе не «правое к а к » , переживаемое в дионисическом экстазе (ὁρῶς μανῆναι<?>), а нечто совсем иное... И, конечно, Юноша прав, восклицая: «Опять ужасное к а к ! . . Ах, горе мне! Я хочу знать, что я такое. Вот опять Незнакомец, Уводящий меня в пустоту Прав», — если это к а к является формальным принципом ста-

новления и символом отношения, тем «Wie», исследование которого сделала своей задачей современная наука, разочаровавшись в возможностях Постижения истинного «Was» *вещей*

Но это «Wie» не имеет ничего общего с тем внутренним, и Музыкальным как, в море которого погружается пушкинский Пророк, когда уши его «наполнил шум и звон» и внял он «неба содроганье, и горный ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье» ... И можно ли, в состоянии такого как, спрашивать: «что я?» — если Я в нем впервые Я, и мир — уже не «гроб первой причины», но впервые свободен от всякой причинности становления, как вневременный космос, вдруг и сполна представший Осуществленным в молнийном озарении мгновенного чуда, — если тогда впервые «в Боге мир, и в сердце Бог»?..

Но не изъяснение дионисического как поставил я целью этой заметки, а лишь необходимое предостережение, что “Теоретик” Андрея Белого — лжесвидетель Диониса. Герой же его будет, быть может, впервые «дионисичен», когда для него, как говорит автор, мир окажется... «Жемчужным облачком, тихо тающим в голубой Неге души». Но без Диониса нет победы над химерами, обставшими познающий дух; вне правого как нет и зренья истинного что «последней Цели»; в правом же как разверзается и солнечное, Священное что.

Жаль только, что заря этой победы брезжит душе Юноши поскольку он индивидуум человеческого рода и если индивидуум) только в плане личного и отъединенного мистического опыта, как бы исхищающего героическую душу из сферы Искания и опыта соборного. Жаль и то, что он исполнен самомнением судьи и, не боясь суда, провозглашает, что есть люди, есть множество людей, которые «как трава выходят, как трава пропадают прахом, — вместо души у них пар». Это — «люди, не выдавшие глубин»... Такое мнение* и самомнение, поистине, не от Диониса и — не от Христа.

1905

* Оно глубоко возмущает наше нравственное чувство. И если А. Белый имеет в виду «сжигаемую солому» евангельской притчи, то он забывает, что притча говорит именно о последнем самоутверждении богоотступнической глубины.